

Каждый раз, когда я беру в руки какую-то изданную в Уфе книгу, касающуюся фигуры Назирова, меня не оставляет недоумение: как же так? Все мы филологи. Учились в университете, изучали и сдавали текстологию, руководили студенческими курсовыми работами и даже дипломами. Почему же так получается, что уважаемые люди из редколлегии (в рецензируемой книге это к.ф.н. Р. Х. Якубова, д.ф.н. В. В. Борисова, к.ф.н. М. С. Рыбина, к.ф.н. С. С. Шаулов, Т. Н. Назирова) избегают самой обычной филологической гигиены? Почему ни в одном из этих изданий (большая часть которых отрецензирована у нас в журнале¹) мы не встретим ни единой архивной ссылки? Почему нет ни слова об истории текста, об источниках публикуемых материалов, ни о чём таком, что с первого курса прививается студентам как базовые навыки научности, как основа филологической культуры? В своей первой рецензии на одно из изданий из серии публикаций бывших сотрудников Р. Г. Назирова по кафедре русской литературы и фольклора БашГУ полтора года назад я попытался дать ответ на этот вопрос², но, видимо, сам себя не убедил и продолжаю им задаваться.

На этот раз моя рецензия, к счастью, посвящена не изданию текстов Назирова, неизвестно откуда взявшихся и неизвестно как к публикаторам попавших³, а сборнику, составленному по материалам конференции, которая

¹*Орехов Б. В.* Назиров Р. Г. О мифологии и литературе, или Преодоление смерти // Назировский архив. 2013. № 1. С. 161–165; *Комова Т. Д.* Р. Г. Назиров. Международные литературные сюжеты и типы: словарь-справочник // Назировский архив. 2014. № 1. С. 141–147; *Шаулов С. С.* О первом посмертном издании трудов Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2014. № 2. С. 184–189.

²«...мы отказываемся верить, что такой подход к публикации был продиктован некомпетентностью издателей. Мы видим в этом не черты непрофессионализма, а понятное в данном случае отношение к наследию коллеги. Вероятно, редакторами тома оно воспринимается не филологически, а, так сказать, “утилитарно” — как собрание текстов-носителей некоторых исследовательских приёмов, догадок и идей, которые было бы полезно донести до специалистов и младшего поколения филологов». Назировский архив. 2013. № 1. С. 165.

³Особенно загадочна ситуация книги «Международные литературные сюжеты и типы: словарь-справочник» (Уфа, 2012). Назиров её то ли закончил, то ли не закончил. То ли отдал в издательство, то ли не отдал. Рукопись попала в руки издателей то ли от редактора издательства, то ли от Дины Гафановны Назировой. Редактура книги то ли производилась самим Назировым, то ли тем самым редактором. Величина «внешней» редакции неизвестна.

прошла в Уфе в год 80-летия Р. Г. Назирова и к этому событию была приурочена.

Вспомнить о странном отношении к основам филологической культуры меня заставило вступительное слово от редколлегии книги. Приводя слова из письма покойного Достоевиста Роберта Белнапа, призванные дополнить «коллективный портрет Ромэна Гафановича», редколлегия ограничивается лаконичным «он написал» (с. 4). Читатель может совершенно свободно заключить, что я просто придираюсь к мелочам, если только мне приходит в голову, что следовало бы расширить эту скупую эвиденциальность и хотя бы в сноске сообщить о том, в письме кому, от какого числа «он написал», а также на каком языке был оригинал текста. Но ведь всех нас в университете учили, что эти мелочи совсем не мелочи, а уж в филологии — тем более. Почему себе мы позволяем то, чего не прощаем в курсовых и дипломах (а кое-кто из редколлегии и диссертациями руководил) студентам? Не понимаю.

Впрочем, во вступительном слове это, конечно, не главное (хотя цитата из Р. Белнапа там занимает добрую четверть всего его полуторастраничного объема). Здесь кратко и высокопарно характеризуется масштаб Назирова как учёного («...время не властно над теми, кто не поддаваясь конъюнктурным интересам, подвижнически служил науке»; «время стало союзником большого ученого с мировым именем», «бескорыстный, истинный служитель Слова» и т.д.), упоминаются его научные интересы (перечислены имена Пушкина, Гоголя, Достоевского и Чехова), делается акцент на эрудиции и способности порождать продуктивные идеи. Далее слово отдаётся Р. Белнапу и... на мой взгляд, случается дискурсивный сбой. Кому адресованы пышные слова о подвижничестве и слуге Слова? Условному младшему коллеге, который не был знаком с Назировым, и должен почувствовать силу уважения к этой персоне со стороны коллег старших. История, рассказанная Р. Белнапом, про то, как, слушая доклад о религиозности Достоевского одной не слишком сведущей в вопросах религии дамы, Назиров сказал ему, Белнапу: «Ох, эти бывшие комсомолки!» (с. 4). Я бы не назвал вслед за редколлекцией этот штрих «ярким». Скорее — тонким. Скорее всего, младшему коллеге он в таком чистом виде, без пояснений, ничего не скажет. А старшие коллеги, по моим наблюдениям, хуже воспринимают такой накал пафоса, как в речи редколлегии от первого коллективного лица. То есть текст, открывающий книгу,

Ни на какие из этих вопросов издатели даже не попытались ответить в предисловии, проигнорировав саму возможность их появления.

оказывается, в общем, без адресата. Про саму конференцию в нём тоже нет ничего, даже дат, в которые она состоялась. Впрочем, может быть, это всё и в самом деле не важно: если книга про Назирова, а конференция только повод, то даты и в самом деле не имеют значения. Проллистаем дальше.

Следующий раздел, «Памяти Ромэна Гафановича Назирова», самый маленький в книге, как будто подтверждает моё предположение. Здесь напечатаны воспоминания о Назирове Н. В. Черновой (Санкт-Петербург), Ю. А. Романова (Харьков) и Т. А. Никольской (Уфа).

Эти мемуары обладают странным свойством. Сам жанр воспоминаний настраивает читателя на готовность к встрече со значительным — событием, человеком, эпохой. В то же время ничего особенного в приведённых мемуарных свидетельствах нет. Дело не в том, что это довольно тривиальные бытовые зарисовки, а в том, что, кажется, сами поделившиеся воспоминаниями не воспринимают Назирова как какую-то особенную персону. Просто человек, человек запоминающийся, интересный, но не более того. Из-за этого воспоминания получаются в несколько искусственном стиле.

Главная особенность Назирова в воспоминаниях Н. В. Черновой — внимание Ромэна Гафановича к разнообразным деталям: достоевским закоулкам, пластике корпулентных сотрудниц. Ю. А. Романов рассказывает, скорее, не о человеке, а об исследователе Достоевского и коллеге, равнодушном и заинтересованном. Заглавие «Памятный разговор» в паре к материалу в прошлом номере «Назирова архива» создаёт своего рода минижанр воспоминаний о единственной встрече с Назировым⁴. В мемуарной заметке Т. А. Никольской никаких лейтмотивов нет, это монтирование изолированных эпизодов, поданных в превосходной степени, что немного напоминает заметку М. Л. Гаспарова о чествовании А. Ф. Лосева, где было сказано, «что он — -issimus, -issime (от кафедры классической филологии МГУ, латинский адрес, больше ничего не было слышно)»⁵.

Вероятно, не всем воспоминаниям нужно верить, так как человеческая память несовершенна (или, напротив, слишком совершенна для нашей приземлённой филологической работы), что подтверждают отдельные вызывающие сомнения эпизоды в опубликованных текстах. Так, Т. А. Никольская почему-то уверена, что монография Р. Г. Назирова называется «Творчество Ф. М. Достоевского» (с. 11), хотя парой страниц

⁴Белов С. В. Одна, единственная встреча // Назировский архив. 2014. № 3. С. 149–152.

⁵Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М., 2001. С. 186.

ранее (с. 7 и 8) в воспоминаниях других мемуаристов она названа почти правильно: «Творческие принципы <Ф. М.> Достоевского» (в обоих случаях инициалы в названии выпущены; в таком же «сокращённом» виде название монографии Назирова потом упоминается и далее, например, с. 300). К сожалению, мне неизвестно, входило ли в обязанности редколлегии (или хотя бы ответственного редактора Р. Х. Якубовой) чтение и редактирование представленных к публикации материалов (обыкновенная ныне реплика в пользу бедных «статьи печатаются в авторской редакции» в книге не обнаружена). Откровенно говоря, я вообще не понимаю, что значит «редколлегия», обязательно присутствующая на контртитule всех упомянутых уфимских «назировских» изданий. Редакционные коллегии — это такие коллективы в периодических изданиях, которые принимают решение, какие статьи следует принять к публикации в журнале, а какие отвергнуть. Решения принимаются коллективно по итогам обсуждения поступивших на статьи рецензий. Когда речь идёт о публикации книги материалов Назирова, такая практика, вероятно, выглядела бы странно. Не рецензировать же, в самом деле, труды выдающегося учёного для книги, которая и призвана представить эти статьи публике. Так что не знаю, зачем нужна редколлегия в книгах, посмертно публикующих наследие Р. Г. Назирова, и какую ответственность она несет за перечисленные мной огрехи. Мне этот коллективный субъект всегда представляется чем-то вроде описанного М. Гловинским молчаливого безликого отряда из «Краткого курса ВКП(б)»⁶.

В следующем разделе опубликованы уже собственно материалы конференции. Кстати, конференция, материалы которого представляет рецензируемый том, почему-то названа «научно-практической», хотя что это должно значить в контексте литературоведческой конференции, неизвестно. Наука-то понятно, а практика тут при чём? Возможно, в программе мероприятия были, например, какие-нибудь семинары по анализу текста? В книге об этом ничего не сказано.

Так вот, материалы конференции. Они начинаются на стр. 13 и заканчиваются на стр. 337. Учитывая это, наверное, всё же стоит заключить, что рецензируемая книга является более (на 97 % от объёма) книгой, представляющей конференцию, чем личность и наследие Р. Г. Назирова. А

⁶Гловинский М. «Не пускать прошлого на самотек»: «Краткий курс ВКП(б)» как мифологическое сказание // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 142–160.

значит, сказать хотя бы пару слов о конференции в предисловии, наверное, было бы не лишним.

Так сложилось, что на подобных конференциях номинально вспоминаемую персону вспоминают не так уж и часто. Это нормально: не обязаны участники Тыняновских чтений в каждом докладе чествовать Ю. Н. Тынянова, а участники Павермановских чтений могут и не знать, кто такой В. М. Паверман⁷. Но всё-таки рецензируемая книга благодаря вступительному слову заявлена как «назировская». Ради интереса посчитаем ссылки на якобы главного героя тома. В сборнике, не считая биографического раздела, 42 автора и 40 статей. В пристатейном списке литературы Назиров упоминается лишь в 11 из них. Не густо. Но ради справедливости скажем, что Назиров всё же самый цитируемый учёный в книге. На втором месте с отставанием идёт Бахтин, на которого ссылаются в 7 статьях.

Плотность ссылок в сборнике не одинаковая. «Конференционная» часть книги состоит из четырёх разделов. Первый — «О Достоевском» (109 стр., 13 статей) по понятным причинам содержит больше всего статей, ссылающихся на Назирова: 5 (чуть больше трети). Второй — «Русская литература» (142 стр., 15 статей), 2 работы с упоминанием трудов Назирова. Третий — «Зарубежная литература» (27 стр., 4 статьи): 0 ссылок. Четвёртый — «Opus juvenus», содержащий тексты молодых исследователей (39 стр., 8 статей): 4 ссылки на Назирова (половина!). Так что самым «назировским» во всей книге выступает молодёжный раздел.

«Opus juvenus» — своеобразная песочница для молодых. Но начать нужно с того, что это безграмотная латынь. Как минимум, странно называть раздел из 8 статей «opus» (единственное число от 'труд', 'работа'), а не «opera» (множественное число). Но особенно стыдно за «juvenus» 'молодёжь', стоящее в номинативе, ведь нужен был генитив «juvenutis»! И «juvenus» — это не опечатка: слово именно так последовательно напечатано на стр. 298 и в оглавлении. Выходит аграмматичное «труд молодёжь» вместо «труды молодых». Зачем было лезть в эту воду, не зная броду латинской грамматики — ещё один вопрос к немногословной редколлегии сборника.

Отвлечёмся на минуту от этого конфуза и сосредоточимся на содержательной стороне. Статус этого раздела, как и вообще всякого деления науки на «молодёжную» и «стариковскую», сомнителен и даже по-своему

⁷То ли дело «именные» сборники. Тот же «Назировский сборник» (Уфа, 2011) был целиком о Назирове.

оскорбителен. Дескать, молоко у тебя на губах не обсохло, но в книжке мы тебя поместим, сделаем одолжение, только специально напишем, что ты молодой да ранний и пусть тебя поэтому не читают всерьёз, а только смотрят и умиляются, как говорящей обезьянке. Неуважение к молодым коллегам вообще свойственно провинциальной университетской среде⁸.

Только вот что я вам скажу, уважаемая редколлегия: нету никакой «молодёжной» науки. Либо это настоящая наука, которая добывает новое знание, и тем ценна, и место ей положено почётное, вместе со всеми. Либо это не наука вовсе, а бессмыслица, и место ей в корзине для бумаг в смятом виде.

А если какие студенты не так хорошо пишут, как хотелось бы, то это вы их сами же и не научили. И если статья Г. Ф. Узбековой (между прочим, нашей назировской стипендиатки текущего года) начинается вопиющим «За период своего творчества В. Набоков приобрел статус писателя-билингвиста» (с. 314), то уже не только ответственного редактора тома, но и научного руководителя, а то и всю кафедру, по которой специализируется молодая коллега, хотелось бы спросить, как вышло, что такое появилось в печати. И сброс текста в стыдливый «*Opus juvenus*» от таких вопросов не спасает.

Во всём разделе должна быть специально выделена статья А. Н. Батталовой «Проблема прототипов в исследованиях Р. Г. Назирова», единственная научная статья в книге, номинально посвящённая собственно Назирову. На деле же заглавие обманчиво и о Назирове там речь идёт постольку поскольку, а главным образом всё-таки о Достоевском. Такое впечатление, что автор просто не знал, что, как и зачем писать о Назирове. В самом деле: литературовед же. Не писатель. А о литературоведах редко учат писать научные работы. Хотя тема эта захватывающе интересная: методология, исследовательская оптика, широта и выбранный угол зрения сильно влияют на конечный литературоведческий продукт. Разве не интересно, чем и почему В. М. Жирмунский отличается от Ю. М. Лотмана? Похож ли М. М. Бахтин на П. Н. Медведева? Почему нашли общий язык Р. О. Якобсон и К. Леви-Стросс? Ну а Назиров? Почему его так увлекали прототипы? Он писал про них так же, как и остальные или была своя изюминка? Всё это А. Н. Батталову не интересует. После в меру длинной медитации по поводу прототипов романа

⁸Позиция редакции «Назировского архива» принципиально иная: уже второй год подряд вручается Назировская стипендия, денежное поощрение за лучшую работу о наследии Назирова, созданную, что для нас принципиально, студентом, магистрантом или аспирантом башкирского вуза.

«Идиот» она заключает: «В работах Назирова заложены научные основы решения этой проблемы» (с. 303). Собственно, и всё.

Сразу скажу, что я не специалист по Достоевскому и рецензировать весь обширный достоевистский раздел (а также статьи про Достоевского в «Orus juvenus») не берусь. Насколько я понял, у них там в достоевистике «своя атмосфера» со своими умолчаниями, константами, стилем и конфигурацией исследовательских задач, в коих я не разбираюсь. Но по пристатейным спискам цитируемой литературы в сборнике очевидно, что Назиров всё ещё остаётся для литературоведов почти исключительно исследователем Достоевского (недостоевские труды Назирова цитируются только в двух статьях из 11). Ни посмертная публикация целого ряда концептуальных статей Назирова, сделанных на другом материале⁹, ни переиздание статей по истории сюжетов¹⁰, ни выход недостоевистских книг¹¹ не переломили этой тенденции. У меня есть опасение, что недостоевский Назиров не просто не прочитан, но даже неизвестен научной общественности. Кажется, популяризация той части наследия Ромэна Гафановича, которая не касается творчества Достоевского, должна стать первоочередной задачей в ближайшее время.

Ну так вот за вычетом статей про Достоевского из соответствующего раздела, а также из «Orus juvenus», на Назирова ссылаются только две статьи в книге: «Народная праздничная культура в контексте поэмы В. И. Майкова “Елисей, или Раздраженный Вакх”» В. А. Слободиной и «Художник и другие (О формах художественного диалога в повести Н. В. Гоголя “Невский проспект”» В. Д. Денисова. Я бы сказал, что обе ссылки носят

⁹В качестве примера, а не исчерпывающего списка: Назиров Р. Г. Сюжет «Ревизора» в историческом контексте // Бельские просторы. 2005. № 3. С. 110–117; Назиров Р. Г. Продолжение как форма обновления традиции // Историческая поэтика жанра: сборник научных трудов. Вып. 3. Биробиджан, 2009. С. 82–86; Назиров Р. Г. Сюжет как компромисс // Диалог. Карнавал.Хронотоп. 2010. № 1–2 (43–44). С. 61–69; Назиров Р. Г. Подлинный смысл Поликрата перстня // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 4. С. 147–149; Назиров Р. Г. Эффект подлинности, или Самоотрицание авторства // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 2. С. 137–144; Назиров Р. Г. Гюго – Флобер, или Невозможная любовь дикаря // Alexandro P'ušino septuagenario oblata. М., 2011. С. 298–306; Назиров Р. Г. Герои раннего Гоголя // Литературная классика: публикации, комментарии, отражения. Сборник научных трудов. Уфа, 2012. С. 17–24; Назиров Р. Г. Фабула о колдуне-предателе // Вопросы литературы. 2012. № 4. С. 49–87.

¹⁰Назиров Р. Г. О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. Уфа, 2010. 408 с.

¹¹Назиров Р. Г. Международные литературные сюжеты и типы: словарь-справочник. Уфа, 2012. 206 с. Следующая монография вышла из печати уже после проведения конференции: Назиров Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь. Уфа, 2014. 292 с.

необязательный характер. В статье В. А. Слободиной, анализирующей возможные истоки поэмы В. Майкова, уходящие в русскую историю кукольного театра XVIII века, имеется отсылка к словарю-справочнику международных сюжетов и типов, где сказано, что в последующей традиции акцент в обработках сюжета «Энеиды» делался не на Энее, а на Дидоне, сам же сюжет был «застойным» и поэтому обработкам (особенно весёлым) подвергался часто (с. 128). Действительно, вряд ли следует счесть эту мысль особенно глубокой. Если Назирова читатели будут знать по таким цитатам, то не приходится рассчитывать на признание Ромэна Гафановича в качестве учёного, способного на серьёзные концептуальные обобщения. У В. Д. Денисова Назиров также упоминается походя — в связи с историей Пискарёва, а поводом сослаться на Ромэна Гафановича стало замечание о том, что герой Гоголя мог впасть в «высокое» безумие или даже умереть от равнодушия общества или от неразделённой любви к идеалу (с. 148). То есть в книге, если не считать достоевистской части, в общем-то, нет ни одной статьи, которая была бы всерьёз основана на идеях Назирова.

Что касается остальных текстов раздела (и книги в целом), то к Назирову они не имеют отношения. Коллеги написали статьи, чтобы почтить память Ромэна Гафановича тем способом, который был им близок и удобен, следует их только поблагодарить за это.

Итог печален. В этой книге плохо всё: редактура, баланс содержания и заявленной цели, испорченная латынь, дизайн обложки, вёрстка... Всё, кроме самого факта её наличия. Ромэн Гафанович, безусловно, заслужил именную конференцию и сборник материалов по её итогам. И хорошо, что такая конференция была проведена, а сборник издан. Но вот правда ли, что выразить уважение к ушедшему учёному нельзя было более корректно, — на этот вопрос у меня нет ответа.

